
А.Д.Щербакова

К вопросу о развитии геополитической мысли в Аргентине

Статья посвящена становлению научной и прикладной аргентинской геополитики в контексте ее развития как самостоятельного научного направления. Особое внимание уделяется анализу основных понятий, направлений, принципов и концепций, сформировавшихся в рамках военно-политического мышления. Делается вывод о первостепенной важности территориального фактора в развитии геополитических подходов в стране.

Ключевые слова: геополитика, военно-политическое мышление, территориальные претензии, конфликты, геополитическое соперничество.

С усложнением системы международных отношений, стремительно меняющей свою конфигурацию, термин «геополитика» все чаще употребляется не только на страницах научных изданий, но и в СМИ. В качестве научной дисциплины (или субдисциплины, по мнению некоторых исследователей) геополитика существует с конца XIX в. Ранее идеи, понятия и знания, которые позже назовут геополитическими, развивались в рамках философии и истории, а также в качестве практических рекомендаций правителям. Первоначальные задачи и цели геополитики сводились к попыткам объяснить политическую структуру мира, обосновать появление сфер влияния тех или иных держав, определить их границы, объяснить причины формирования межгосударственных союзов, а также соперничества за передел территорий. В тот период мыслители отталкивались от двух основополагающих представлений: о присущем государствам стремлении к гегемонии и расшире-

Анна Дмитриевна Щербакова — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН (anna_scherbakova@list.ru).

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №15-37-01216 «Латиноамериканские геополитические коды: влияние на формирование внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии поведения стран региона в полицентричной мировой системе и построение долгосрочных отношений с Российской Федерацией».

нию границ, а также о традиционном противостоянии держав Суши и Моря, т.е. цивилизованных и варварских народов.

В 1880-е годы начался этап классической геополитики, продолжавшийся до середины прошлого столетия. Он по праву считается временем становления геополитики как отдельной отрасли знания, поскольку именно тогда было сформулировано ее определение, выделены область исследований и основные категории. Идеи и гипотезы предыдущего периода были оформлены в теории и концепции, появились геополитические законы и национальные школы геополитики. История современной геополитики началась с окончания Второй мировой войны, повлекшего за собой изменения в мировом порядке¹. Очертить общемировую канву развития геополитики важно для того, чтобы оценить особенности ее развития в Аргентине.

Анализируя использование термина «геополитика» латиноамериканскими теоретиками, американский исследователь Джон Чайлд писал, что в целом те отталкивались от концепции государства как живого организма, реагирующего на географические, политические, военные, экономические, демографические и психологические факторы в борьбе за выживание с другими государствами², что вполне укладывается в русло классической геополитики. Принято считать, что собственно аргентинские геополитические подходы сформировались только после Второй мировой войны, т.е. в рамках современной науки. Однако государство, его внутренняя организация, территория и делимитация границ, а также отношения с соседями занимали важнейшее место в воззрениях аргентинских политических мыслителей и в предшествовавшие периоды.

Выделим основные понятия, категории, направления и школы в развитии геополитической мысли Аргентины. Одной из центральных категорий стоит считать категорию национальных интересов, которая в качестве важного элемента классического реализма вышла на первый план в исследованиях международных отношений после Второй мировой войны. Данное понятие, как правило, совпадает с понятиями национальной безопасности и государственных интересов, в основе которых лежат физическое выживание и политическая независимость страны, сохранение ее территории и границ в военно-политической неприкосновенности, обеспечение безопасности и благосостояния граждан. Главная цель государства, таким образом, состоит в целенаправленном укреплении геополитической и геоэкономической мощи государства³.

ТЕРРИТОРИЯ — КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Проблема территориальности стоит для Аргентины крайне остро еще с колониального периода, когда она рассматривалась в контексте так называемых утраченных территорий, или земель, которых страна, как утверждалось, лишилась в XIX в. в результате сепаратизма отдельных провинций или экспансии соседних государств. Именно эти представления, по мнению некоторых аргентинских исследователей, десятилетиями поддерживали интерес к географии не только среди интеллектуалов, но и среди политиков, и стали предпосылкой для появления геополитических концепций, связанных с внутренней организацией государства и определением его границ⁴.

Вице-адмирал Сегундо Сторни (1876—1954) одним из первых стал анализировать территорию Аргентины как географический фактор, способный повлиять на развитие страны, ее внутреннюю и внешнюю политику. Его труды «Гидрографические работы и границы Аргентины в проливе Бигл», «Проект режима территориальных вод» и «Территориальные воды», по мнению ряда авторов, заложили основу аргентинской геополитики. На развитие теории Сторни заметно повлияли труды столпов классической геополитики — немецкого географа Фридриха Ратцеля (1844—1904) с его биогеографической концепцией* и развитием идеи о противостоянии между континентальными и морскими державами, а также американского историка и адмирала Альфреда Тайара Мэхэна (1840—1914), автора идеи о преимуществе морских держав над континентальными.

Базовыми характеристиками географического положения Аргентины С.Сторни считал ее удаленность от «центра тяжести цивилизации» и принадлежность к *полушарию воды*. Он не делил земной шар на северное и южное или западное и восточное полушария, но оперировал понятиями полушарий воды и суши. По его мнению, полушарие воды с центром в Северной Атлантике включало Европу, Азию, Америку и Северную Африку и простиралось до южной части Тихого океана. Отсюда — тезис о морском статусе Аргентины, которому автор придавал важнейшее значение.

Стране «следовало ожидать всего именно от моря», а не оглядываться на соседей по континенту, которые мало что могли предложить быстро развивавшейся Аргентине. Это восприятие привело автора к выводу об изолированном, или «островном», положении страны на материке. Отсюда — преобладание «морских» интересов над континентальными, а, следовательно, необходимость выработки и реализации морской политики для укрепления мощи в этой области.

С.Сторни считал морскую политику прерогативой правительства, при этом энергия и преемственность требовались для того, чтобы ее задачи укоренились в стране, стали убеждением господствующих классов, постоянным устремлением всего аргентинского народа⁵. Что касается морской мощи, то он выделял три ее опоры: производство, собственный транспорт и рынки, которые позволили бы добиться прогресса в развитии национального флота, способного превратить Аргентину в морскую державу. Производство при этом не должно было ограничиваться экспортируемыми товарами, но должно было включать «элементы, необходимые для создания, поддержания и развития морского оборудования». Большая часть транспорта должна была находиться под контролем государства. Для этого требовалось развитие машиностроения и строительства. В результате внешнеполитических мер рынки как «источники богатства» следовало защитить военно-морской силой.

* Концепция основывалась на представлении о государстве как организме, в составе которого «известная часть земной поверхности играет настолько существенную роль, что все свойства государства определяются свойствами народа и его территории. Такими территориальными или естественными природными свойствами являются величина, положение, формы поверхности, растительность и орошение, отношение к другим частям земной поверхности». Цит. по: В.А.Колосов, Н.С.Мироненко. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М., Аспект Пресс, 2001, с. 37–38.

В морских портах вице-адмирал видел средство не только обеспечения морской мощи, но и интеграции в мир. Экономическое развитие страны он считал зависимым и даже подчиненным морскому развитию, поскольку все пути товарообмена тогда в основном были трансокеанскими. Данный подход объясняет тот факт, что именно морские интересы государства были приоритетными при формулировании предложений по развитию не только внешней, но и внутренней политики. Так, исходя из морских интересов страны и возможностей налаживания логистики и обороны адмирал делил страну на ряд секторов в зависимости от их связи с морем. Он выделял «коммерческий хинтерленд»* Ла-Платы, охватывающий большую часть влажной пампы, Месопотамию и северо-восток Аргентины; коммерческий хинтерленд Баия-Бланки, включающий юг Буэнос-Айреса, Ла-Пампу и Куйо, Сан-Антонио, Мадрин, Комодоро Ривадавию; Сан-Хулиан, Гальегос и Ушуйайо.

По-видимому, для Сторни существовала четкая корреляция между развитием морской торговли, военно-морского флота для ее защиты (что вполне соответствует теории американского историка Альфреда Мэхэна) и государства в целом. С одной стороны, он считал аргентинское побережье не слишком удобным из-за нехватки естественных портов, высоты приливов и отливов, недостатка глубоких каналов. А с другой — видел в необходимости большего вмешательства человека, влекущего за собой рост спроса на рабочую силу, строительство портов, дорог и объектов инфраструктуры, возможности для социального развития нации.

Сторни был убежден в том, что торговый и стратегический полюс Аргентины находится в устье р. Ла-Плата, а значит именно там следовало сосредоточить и развивать основную часть военно-морской силы⁶. Впоследствии этот тезис подвергался критике: считалось, что он послужил причиной «пренебрежения» внутренними провинциями страны, что негативно повлияло на их развитие.

В рамках общей парадигмы развития геополитической науки очевидно, что работы вице-адмирала стоит отнести к трудам классической геополитики. Однако, если говорить о становлении и развитии этого направления научного и практического знания в Аргентине, то, на наш взгляд, их следует считать своего рода предтечей собственно геополитических теорий и подходов. Их появление во второй половине XX в., как считают некоторые исследователи, в значительной степени было связано с вооруженными силами.

ГЕОПОЛИТИКА ВОЕННЫХ

Данный этап был отмечен выдвижением самобытных концепций и подходов, приверженцы которых отталкивались не только от географического положения страны, но и от ее роли в региональных и международных делах. Ключевым утверждением стало следующее: «Аргентинская история богата геополитическими мыслителями, среди которых — Сан-Мартин, Бельграно, Морено и Альберди. Недопустимо игнорировать предложения, которые формулирует национальная геополитика». Или еще одно: «Геополитически Аргентина — большое пустое пространство, которое в XXI в.

* Hinterland (англ.) — термин, употребляющийся для обозначения удаленных от побережья внутренних регионов.

будет неизбежно заполнено. Если этого не сделаем мы, это попробуют сделать другие»⁷.

В фокусе геополитического мышления было представление о «законном и естественном» месте лидера Южного конуса. Стремление к лидерству выражалось в заявлениях об особой ответственности страны за сохранение мира и безопасности в субрегионе. Джон Чайлд приводит два любопытных суждения о причинах подобной едва ли не мессианской позиции Буэнос-Айреса. Одно из них принадлежит чилийскому диктатору Аугусто Пиночету, который считал, что, по мнению представителей аргентинской школы геополитики, в силу своего географического положения страна не входила в орбиту основных мировых держав, что давало ей свободу действий в осуществлении гегемонии в южной части южноамериканского континента. Вторую точку зрения высказал некий аргентинский генерал, с которым беседовал американский ученый и который объяснял естественное, по его мнению, доминирование Аргентины в бассейне Ла-Платы концепцией «пути апельсина»: если апельсин упадет в Ла-Плату, то рано или поздно он проплывет мимо Буэнос-Айреса, а, следовательно, окажется под аргентинским контролем⁸.

Неудивительно, что формировавшаяся аргентинская школа геополитической мысли — а по мнению Чайлда, это была именно школа, имевшая доктрину, давние исторические корни, многочисленных приверженцев и оказывала значительное влияние на внутреннюю и международную политику страны⁹ — несла в себе значительный конфликтный потенциал, подогреваемый традиционным соперничеством в регионе. С этим была связана еще одна особенность военно-геополитического мышления в Аргентине — наличие двух направлений, различавшихся в теоретико-методологическом плане: *геополитицизм противостояния* и *геополитика сотрудничества*. Более характерным для рассматриваемого нами периода является первое из них. Оно основывалось на тезисе о гипотетической войне для отражения потенциальных угроз (территориальных со стороны Бразилии и Чили и глобальной со стороны советского блока) и классической функции вооруженных сил. По мнению некоторых исследователей, гипотетическая война с соседними государствами постепенно заняла центральное место в «коллективном воображаемом» аргентинцев. Так, аргентинский политолог Пабло Санс считал Бразилию наиболее вероятным противником, подчеркивая серьезную уязвимость «аргентинского пространства» с точки зрения безопасности¹⁰.

По мнению аргентинских авторов, столь ярко выраженное внимание к потенциальной угрозе со стороны соседей основывалось на критике «территориальной раздробленности» и «пацифизма», характерных для традиционной международной политики страны. В качестве аргументов приводились данные о внушительных территориальных потерях, а для демонстрации использовались карты вице-королевства Рио-де-ла-Платы, позволявшие насчитать целых 12 «отделений территорий, перенесенных Аргентиной»¹¹.

Укорененность подобных идей, на наш взгляд, в некоторой степени можно объяснить спецификой историографии и преподавания истории в странах Южного конуса, которая способствовала сохранению конфликтного потенциала на межгосударственном уровне и недоверия между гражданами.

Отметим еще одну характеристику аргентинского военно-геополитического мышления — концентрацию внимания на регионе с выделением ключевых векторов. Важнейшим из таких векторов были отношения с соседней Бразилией, давним соперником в борьбе за лидерство в пределах Южного конуса. Страна занимала весьма значимое место на шкале внешнеполитических приоритетов Буэнос-Айреса, и это давало основания говорить о своего рода «одержимости» Бразилией как о фундаментальной особенности аргентинской школы¹². Значительная часть трудов аргентинских военных была посвящена тому, что воспринималось как геополитическое вторжение Бразилии в сферу интересов Аргентины, и необходимости противостоять ему.

Чайлд выделил составляющие бразильской геополитической доктрины, которые вызывали соответствующую реакцию Буэнос-Айреса. Среди них «поход на запад» — в Амазонский хартленд* и особую зону, образованную Парагваем, Боливией и южной Бразилией; усилия Бразилии по распространению влияния в Южной Атлантике и Антарктике и поиску источников энергии, особенно гидроресурсов в районе «тройной границы» Аргентины, Бразилии и Парагвая; соперничество за влияние в других странах Южной Америки; стремление к статусу великой державы. По мнению этого автора, работы аргентинских геополитиков, посвященные отношениям или непосредственно соперничеству с Бразилией, отвечали необходимости противодействия реализации этих задач. Влияние Бразилии росло в том числе благодаря заключению американо-бразильского альянса, достижению страной статуса ключевого союзника США в субрегионе (значимость вопроса стала спадать с конца 1970-х годов), реализации бразильской ядерной программы и геополитической концепции «живых границ»**, особенно в отношении северо-востока Аргентины и «буферных государств» — Уругвая, Парагвая и Боливии¹³.

Латиноамериканист из США Джозеф Талчин выделял три направления геополитической мысли в Аргентине, связанных с отношениями с Бразилией: геополитическое, традиционное евроцентристское и *вилсониа́нское*. Каждое из них, по его мнению, имело глубокие исторические корни и многочисленных приверженцев, что позволяло им влиять на формирование коалиций в пользу того или иного конкретного политического курса. Геополитическое направление, как писал исследователь, появилось в рамках аргентинской школы геополитики в 1960-е годы благодаря усилиям, к примеру, генерала Хуана Гуглиальмелли, основателя журнала «Estrategia»,

* Heartland (англ.) — «срединная земля».

** Доктрина «живых границ» считалась своего рода продолжением идей немецкой геополитической школы о необходимости «жизненного пространства». В Аргентине она воспринималась следующим образом: для Бразилии регион, зона или область рассматривались как «живая граница» по ряду причин (исторических, политических, экономических и т.п.). Это означало, что развитие региона должно быть подчинено национальным интересам Бразилии или, если он не был частью территории этой страны, он должен был быть включен в сферу ее влияния. См.: J.Child. Geopolitical Thinking in Latin America. Latin American Research Review, 1979, vol. 14, N 2, p. 95–96.

хотя элементы этого направления можно было обнаружить и раньше. Евроцентристы, по мнению Талчина, отличались богатейшей исторической традицией, связанной с доминированием либералов в историографии и политике Аргентины, начиная с президента Бартоломе Митре (1862—1868) и сменившего его на посту Доминго Фаустино Сармьенто (1868—1874). Направление формировалось в рамках агроэкспортной модели развития страны, что объясняло расстановку не только внешнеэкономических, но и внешнеполитических приоритетов Буэнос-Айреса: торговые связи с Европой казались столь важными, что гипотетическое бразильское вторжение на территорию Аргентины не рассматривалось евроцентристами в качестве серьезной проблемы. Что касается *вилсонизма*, то его истоки американский исследователь прослеживал в том же евроцентризме. Речь шла об отказе части аргентинской элиты видеть связь между национальными интересами и угрозами странам полушария после обретения ими независимости. В XX в. многие из тех, кто стояли на позициях вилсонизма в международных делах, выступали в поддержку «братских» отношений со странами полушария, разоружения, сотрудничества с США, снижения напряженности в отношениях с Бразилией.

Если говорить о влиянии этих течений на реальную политику Буэнос-Айреса в отношении соседнего государства, то следует отметить, что, по мнению Талчина, в период с 1860 по 1945 гг. определяющим было влияние евроцентристов, а позже с ростом влияния вооруженных сил внешнеполитический курс государства представлял собой «смещение» всех трех течений, сторонники которых боролись за влияние в правительстве, что и привело к несогласованности внешней политики и серьезному ослаблению позиций страны на международной арене. По мнению автора, аргентинские мыслители считали внешнюю политику Бразилии неотъемлемой частью «бразильского чуда», отвечающей стремлению этого государства положить конец своему зависимому положению и стать «одной из величайших мировых держав»¹⁴.

Важным региональным вектором развития военно-геополитической мысли в Аргентине стоит также считать ее отношения с Чили. В рассматриваемый период основное внимание аргентинские геополитики уделяли осмыслению состояния напряженности между странами, вызванной, в частности, обоюдными территориальными претензиями. Речь идет о своего рода «морском направлении» аргентинской геополитической мысли, связанным с претензиями Буэнос-Айреса на суверенитет в отношении Мальвинских (Фолклендских) островов, других островов в Южной Атлантике и в проливе Бигл. Решающим аргументом был «принцип двух океанов», согласно которому Аргентина «контролирует Южную Атлантику, а Чили — южную часть Тихого океана». Любое вторжение Чили в зону аргентинских интересов рассматривалось как нарушение этого принципа.

В работах аргентинских геополитиков того периода Чили предстает «экспансионистским и агрессивным» государством, стремившимся использовать любую слабость соседних стран (кроме Аргентины, здесь также имелись в виду Боливия и Перу) для наращивания влияния и расширения своей территории. Особую озабоченность в Буэнос-Айресе вызывало то, что расценивалось как чилийская экспансия в Патагонии. Аргентинские геополитики также усматривали угрозу для страны со стороны гипотетических альянсов Чили с Великобританией или Бразилией. Некоторым авторам нейтральная позиция, занятая

Сантьяго в отношении конфликта с Мальвинскими (Фолклендскими) островами, представлялась убедительным свидетельством достигнутого между Чили и Великобританией взаимопонимания¹⁵.

АНТАРКТИКА КАК СФЕРА ПРИТЯЖЕНИЯ

Описанные выше противоречия и конфликты интересов Аргентины и соседних стран Южного конуса географически сходились в антарктической зоне. Основополагающим принципом антарктического направления аргентинской геополитики был тезис о «триконтинентальной Аргентине». Имелось в виду геологическое, политическое и геополитическое единство между континентальной антарктической и островной частями страны, связанными между собой *Аргентинским морем*, Мальвинским (Фолклендским) архипелагом, островом Южная Георгия, Южными Сандвичевыми, Южными Оркнейскими и Южными Шетландскими островами до Антарктического полуострова, который обозначался на британских и американских картах как полуостров Палмера, на аргентинских как полуостров Сан-Мартина, а на чилийских — как Земля О'Хиггинса. Этот полуостров рассматривался тогдашними правительствами заинтересованных стран как «самая ценная» часть Антарктики из-за его ресурсов и близости к южноамериканскому материку.

О важности Южной Атлантики для «триконтинентальной» Аргентины также свидетельствовали заявления о том, что активная роль страны в этом районе необходима для защиты ее жизненных интересов. Чайлд также упоминает о книге «Атлантартида: геополитическое пространство», изданной в 1978 г., авторы которой называли этот район «Атлантартидой», утверждая, что величие и влияние Аргентины в мире будут зависеть от контроля над этим геополитическим пространством. Соответственно, защита аргентинских интересов в Атлантартиде требовала возвращения Мальвинских островов, островов в Южной Атлантике, отклонения претензий Чили в Антарктике и проливе Бигл, а также сдерживания Бразилии в реализации ее мечты о распространении влияния в Южной Атлантике и Антарктике¹⁶.

В конце 1970-х годов Аргентина и Чили практически оказались на грани вооруженного столкновения из-за жесткой реакции Буэнос-Айреса на решение арбитража под покровительством королевы Великобритании Елизаветы II передать Чили спорные острова в проливе Бигл. Это решение было воспринято как угроза для «принципа двух океанов» и аргентинских притязаний в Антарктике.

Разработанная бразильскими геополитиками теория фронтального сектора, согласно которой каждая из стран Южного конуса получила бы сектор Антарктики, соответствующий ее местоположению, также была воспринята аргентинскими военными как вызов национальным интересам: бразильский сектор мог оказаться самым большим. Не выдвигая официальных территориальных претензий на белом континенте, Бразилия, тем не менее, организовала несколько антарктических экспедиций, которые вызвали тревогу в Аргентине¹⁷.

Любопытно, что участие Бразилии в развитии геополитической мысли в Аргентине отнюдь не исчерпывалось ролью своеобразного «поставщика вызовов и угроз». Активная позиция Бразилии в международных делах и региональная политика страны зачастую вызывали среди аргентинских во-

енных не только опасения, но и интерес к исследованиям соседнего государства в области геополитики.

Так, «Континентальная проекция Бразилии» Марио Травассоса в 1941 г. была переведена на испанский язык и получила популярность среди военных. Вероятно, этим и объясняется тот факт, что в Аргентине геополитика развивалась именно в кругах, связанных с армией и флотом. Неслучайно изучение возможностей применения геополитики в стране началось в высших военных институтах, первоначально — с опорой на перевод одной из фундаментальных работ немецких ученых Ричарда Хеннинга и Лео Керхольца «Введение в геополитику», сделанный специалистами Военно-морской школы и изданной в 1944 г. В том же году была опубликована первая аргентинская работа аргентинского автора о геополитике Южной Америки — «Аргентина в мировом геополитическом ландшафте» Рикардо де Лабуля. Это был доклад ректора Национального университета Ла-Платы, представленный на кафедре национальной обороны¹⁸.

По мнению аргентинского исследователя Карлоса Реборатти, тот факт, что всплеск интереса к геополитике был связан с вооруженными силами, можно объяснить и тем, что наиболее агрессивные ее положения неизбежно провоцировали попытки территориальной экспансии и, следовательно, использование армии для достижения целей. Кроме того, автор видел определенное сходство размышлений первых аргентинских геополитиков с военной логикой. По его мнению, геополитика в то время была не отраслью объективного знания, с помощью которой можно было анализировать отношения между государствами с наднационального или международного ракурсов, а лишь частью практических мер по защите интересов конкретного государства¹⁹.

В общеисторической парадигме развития геополитики как науки аргентинская школа геополитической мысли формируется в рамках современного этапа, начавшегося после Второй мировой войны. Основополагающий вклад в ее становление внесли представители аргентинских вооруженных сил и морского флота, опиравшиеся на теории и концепции, выработанные в рамках германской и американской школ в русле классической геополитики. В периоды пребывания у власти военных режимов сам характер правительств подталкивал их к решению геополитических проблем, воспринимавшихся как первостепенные для защиты национальных интересов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ Б.А.И с а е в. Геополитика классическая и геополитика современная. Полис. Политические исследования, 2011, № 2, с. 69–85. [B.A.Isaev. Geopolitika klassicheskaja i geopolitika sovremennaja] [Geopolitics: classical and modern] Polis. Politicheskie issledovanija, 2011, № 2, p. 69–85.

² J.C h i l d. Geopolitical Thinking in Latin America. — Latin American Research Review. 1979, vol.14, № 2, p. 89. — Available at: <http://www.jstor.org/stable/2502880> (accessed 03.10.2016).

³ В.А.К о л о с о в, Н.С.М и р о н е н к о. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001, с. 23. [V.A.Kolosov, N.S.Mironenko. Geopolitika i politicheskaja geografija:Uchebnik dlja vuzov] [Geopolitics and political geography]. Moscow, Aspekt Press, 2001, p. 23.

⁴ M.D e c i a n c i o. La construcción del campo de las relaciones internacionales argentinas; contribuciones desde la geopolítica. — Revista de Relaciones Internacionales, Estrategia y Seguridad. 2017, № 12 (2), p. 186. — Available at: <http://dx.doi.org/10.18359/ries.2316> (accessed 15.08.2017).

⁵ M.D e c i a n c i o. Op. cit., p. 187–188.

⁶ E.C o v e l l i. Desarrollo de la Teoría Geopolítica en la Argentina durante el siglo XX. Tesina de Grado, Licenciatura en Relaciones Internacionales, Facultad de Ciencia Política y Relaciones Internacionales, Universidad Nacional de Rosario, Rosario. 2016, p. 8. — Available at: http://www.academia.edu/30096845/Desarrollo_Teor%C3%ADa_de_la_Geopol%C3%ADtica_en_Argentina (accessed 18.09.2017).

⁷ C.E.R e b o r a t t i. El encanto de la oscuridad: Notas acerca de la geopolítica en la Argentina. — Desarrollo Económico. 1983, vol. 23, № 89, p. 137. — Available at: <http://www.jstor.org/stable/3466451> (accessed 03.10.2016).

⁸ J.C h i l d. Op. cit., p. 96–97.

⁹ Ibid., p. 95.

¹⁰ C.B u c h r u c k e r. Pensamiento político militar argentino: El debate sobre las hipótesis de guerra y la geopolítica. — Estudios. Revista del Centro de Estudios avanzados. Universidad Nacional de Córdoba. 1994, № 3, p. 139. — Available at: <https://revistas.unc.edu.ar/index.php/restudios/article/view/408/0> (accessed 20.09.2016)

¹¹ Ibid., p. 144.

¹² J.C h i l d. The American Southern Cone: Geopolitics and Conflict. — Proceedings of the Conference of Latin Americanist Geographers. 1983, vol. 9, p. 206. — Available at: <http://www.jstor.org/stable/25764999> (accessed 03.10.2016).

¹³ Ibid., p. 207.

¹⁴ J.S.T u l c h i n. Una perspectiva histórica de la política argentina frente al Brasil. — Estudios Internacionales. 1980, vol. 13, p. 476–478. — Available at: http://www.academia.edu/31180054/Una_perspectiva_hist%C3%B3rica_de_la_pol%C3%ADtica_argentina_frente_al_Brasil (accessed 06.09.2016).

¹⁵ J.C h i l d. Op. cit., p. 205–206.

¹⁶ J.C h i l d. Antarctica and Argentine Geopolitical Thinking. Yearbook. — Conference of Latin Americanist Geographers. 1986, vol. 12, p. 14. — Available at: <http://www.jstor.org/stable/25765660> (accessed 03.10.2016).

¹⁷ J.C h i l d. The American Southern Cone: Geopolitics and Conflict. — Proceedings of the Conference of Latin Americanist Geographers. 1983, vol. 9, p. 209. — Available at: <http://www.jstor.org/stable/25764999> (accessed 03.10.2016).

¹⁸ M.D e c i a n c i o. Op. cit., p. 188–189.

¹⁹ C.E.R e b o r a t t i. Op. cit., p. 143.

Anna D. Scherbakova (anna_scherbakova@list.ru)

Cand. of Sci. in Political Science, Senior Research Associate in the Department of Political Studies of Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences

Geopolitical Thinking in Argentina Revisited

Abstract. The article deals with the problems of «scientific» and applied geopolitics formation in Argentina in the context of the development of geopolitical studies as an independent field of scientific study. The author pays particular attention to the analysis of its basic concepts and directions that have emerged within the Argentine military political thinking. The conclusion is made about the primary importance of the territorial factor in the development of geopolitical approaches in this country.

Key words: geopolitical studies, military political thinking, territorial disputes, conflicts, geopolitical rivalry.